

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ

I. БАНКРОТСТВО ИНТЕЛЛИГЕНТСТВА

Принципы Локарно, принципы Гааги и Лозанны, принципы пакта Келлога, Лиги Наций, Второго Интернационала, Интернационала Третьего, принципы ортодоксального и не ортодоксального марксизма — бесконечные конференции, пленумы, съезды, комиссии! — неужто находятся еще люди, которым эти политические пустышки еще не надоели? К сожалению находятся и в неограниченном количестве. Неожиданным результатом смены будто бы «тайной» довоенной дипломатии на послевоенную «явную» было то, что политика в наши дни изобразилась до геркулесовых столпов. Политическое слово низведено на низменный уровень плоской партийной демагогии — коммерческого плаката для зазывания покупателя в свой лабаз. Наивная вера в схемы, рационалистические рецепты и научно-политическое знахарство — печальное наследие прошлого столетия — изживает себя крайне медленно.

Но все-таки изживает; и даже здесь, в Европе, где эти книжные принципы ни к чему не прикладывались и ничего не ломали, тяжесть реальной послевоенной жизни начинает проветривать туго забитые политическим мусором 19-го века головы. Начинает понемногу осознаться та простая истина, что готовых рецептов в политике нет и быть не может, что теория — результат дела, опыта, служения, а не праздного фантазерства на бумаге. Раскол рабочей партии в Англии в связи с баллотировкой национального списка, победа не Бог весть каких, но реальных людей практики над комическими радикальными сенаторами, двухлетнее полупарламентарное полуделовое правление серой бесцветной фигуры канцлера Брюнинга, наконец, беспомощность германских социалистов, принужденных голосовать за монархиста фельдмаршала фон Гинденбурга — все это не яркие, но характерные признаки частичных отказов от книжно-партийной политики. Интеллигентская карта парений во что бы то ни стало в отвлеченных теоретических конструкциях бита на всех фронтах. *They all had their chance* и все

блистательно обанкротились. Банкротство всех тех идей, которыми к сожалению далеко не безнаказанно пичкали человечество чуть ли не целых сто лет, ясно теперь почти что всякому. Идеологическая винтовка западно-европейского социализма оказалась заряженной холостым патроном. Единственным результатом десятилетиями подготавливавшегося выстрела оказалась отдача в плечо стрелявшего. Даже на родине «научного социализма» социалистам пришлось спрятаться за спину такой явной и почтенной фигуры «старого» режима, как Гинденбург. Эпоха беспочвенных интеллигентов прошла (проходит в крайнем случае), психологически они уже никому не приемлемы, никого кроме самих еще оставшихся в живых интеллигентов воодушевить не способна.

Интеллигенция была выдвинута буржуазно-атеистическими волнами прошлого века на форпосты истории; там где буржуазия была у власти (как в большинстве стран Запада) — она бездарно в культурном смысле, но честно и бессребренно служила всякому новому строю по идеологической специальности. Там, где как у нас, в России, буржуазия не занимала командных высот, интеллигенция также нелепо честно и бессребренно служила революции. От долбления головой об стену — стена раскачалась, — и вот только тут встал перед самими «долбителями» вопрос: а стоило ли вообще стену раскачивать? Война и революция перемешали карты. Обе роли были отыграны — и интеллигенцию попросили на покой. Никто не поблагодарил ее за верную службу, никто не позаботился о ее старости. Ее выкинули за борт истории, как ненужный, попорченный груз. Муссолини, Сталины, Пилсудские вышли из низов этой интеллигенции, оттуда, где **интеллигентности** не было ни на прощ, но где за то меньше было и **интеллигентности** и где легче было отречься от посредственных интеллигентских кумиров. Насквозь еще интеллигенты, они пытаются эту интеллигентность в себе побороть, они отрекаются от интеллигенции, не помнят родства, охотно зачеркивают прошлое. В нашей революции от Троцких, Громанов, Радеков, Кондратьевых к Сталиным, Молотовым, Ворошиловым шла на убыль линия интеллигентности, та практицизация советской идеологии, которую в каком то (правда, ущербном) смысле можно назвать эволюцией (от Маркса к пятилетке).

Задайте себе вопрос — что представляет собой сейчас русская интеллигенция, где она, — та, которая больше мечтала, чем делала революцию, увлекалась, рождала и насаждала (а прощя переводила с иностранного) всякие «измы». Где же она? Она и здесь и там: она потеряла все, кроме своего апломба: — она в ссылке («оппозиционеры», «уклонисты», «левые эсе-

ры») — она в эмиграции (с.-р., с.-д., р.-д., р.ц.о. и т. д.); кое кто сменил веки вправо и уподобился унтер-офицерской вдове, кое кто самовлюбленно смотрится в зеркало «в историческом разрезе», многие скромно ушли в коммерческие воспоминания о «битвах, где вместе рубились они». Но она же в наиболее крепкой, наименее может быть типической разновидности, в России у власти. Чем как не интеллигентскостью можно назвать тупую веру в марксизм, в непогрешимость книжных теорий — там, где жизнь уже достаточно переломалась, где абсурдность отвлеченных конструкций понятна всякому ребенку, где открыты уже новые горизонты пореволюционной России. Социологическая неизбежность стабилизации революции куда неоспоримей сейчас былой социологической неотвратимости революции. Эту подоплеку интеллигентской сущности старых коммунистов хорошо иллюстрирует история «уклонов» и ее частность — сама по себе не стоящая особого внимания, история так называемой «третьей эмиграции».

II. ПСИХОЗ ПАССИВНОГО ДЕМОКРАТИЗМА

Дюмурье перебежал к врагам. В революционном масштабе Дюмурье не был пешкой. Дюмурье командовал армией. Дюмурье вероятно ничего не украл и не только спасал свою шкуру. Дюмурье жил за границей — долго, бедно и бесславно. Он предлагал свои услуги многим иностранным правительствам и умер за границей и не у дел.

Ну разве можно сравнивать с Дюмурье ту публику, которая наполняла в недавнее время своими «разоблачениями» столбцы заграничных газет и любителями сенсаций была названа «третьей эмиграцией»? Не знаю, стоило ли платить построчно за эту дешевую хлестаковщину. Впрочем, кое за что платить, пожалуй, стоило, но, конечно, не русским газетам, а иностранным контрразведкам.

Вспомните сколько писали в свое время о Троцком. Кое кто собирался даже создавать единый фронт борьбы со Сталиным от Милюкова и до Троцкого (фронт впрочем был бы не плохой — фронт снятых в процессе игры с шахматной доски фигур). Писали столбцы-страницы. А теперь много ли пишут? Ничего. Очередная сенсация — как Троцкий, так и «невозвращенцы». Вся разница, пожалуй, только в том, что Троцкий был актером в революции, а «невозвращенцы» всего лишь статистами — но роль и того и других одинаково отыграна. Карта бита — остается писать мемуары. Забавнее всего в этих писаниях новых «сменовеховцев навыворот» не их счета покинувшей хозяев кухарки, а, как ни странно, рассуждения о будущем. Это будущее почти что всем им рисуется в омоложении пас-

сивно-фаталистических старых теорий классического демократизма (хотя бы и советского на этот раз). Психологически это понятно: — надо приобретенное сохранить, а от дел отдохнуть. Устали от труда и риска активности — дайте нам обеспеченную пассивность. Психология не свойственная ни феодальному, ни революционному человеку — типичная для человека буржуазного (да и то не «стадии накопления», а «стадии сбережения»). Именно в этом то мы и отстали исторически от Европы: буржуазного строя и психологии в России (к счастью для старой России и к несчастью для будущей) никогда не было и потому яды ослабевшей уже заразы нет-нет и будут проскакивать в организме нашей страны, ибо хотя болезнь эта теперь и не опасна, но никогда привита не была (хоть и непривлекательный, но неизведанный плод). Поэтому я и позволю себе коснуться исторического демократизма, учения мещанской лениности и фаталистического материализма, не принципиального, конечно (против принципа вряд ли можно возражать), а исторически существовавшего и существующего.

Основная и часто несознаваемая подкладка классического демократизма заложена в атеистическом представлении «**рая на земле**». Человек верх природы и по природе своей всегда хорош. Люди одинаковы — как можно меньше управления ими, как можно меньше организационного активизма. Все устроится само, ибо из взаимодействия единичных людей будто бы механически должна получиться обязательно хорошая народная воля. Только не вмешивайтесь и не давите. Будьте пассивны, представляйте из себя машину подсчета воли и вы будете не пассивным Обломовым, а просвещенным демократическим правительством.

Когда буржуазия была молода, когда после французской революции она выходила на арену государственности — эта наивно-розовая теория имела своим коррективом пафос, жажду самоустройства, волю к власти нового, молодого и творчески сильного контингента людей. Этот корректив создавал иллюзию народоправства, иллюзию участия всех во власти, иллюзию народного суверенитета. Утопия рождения гармонического целого из механического сложения хаотически перекрещивающихся волей — казалась жизненной теорией только потому, что тон задавала молодая, единодушно настроенная творческая среда забиравшего в свои руки власть сословия. Тут была одинаково доказуема любая теория.

Но класс состарился, обрюзг, пресытился властью — теория же все стояла, старой, но по привычке почитаемой, развалиной. Ей, как золотому тельцу, поклонялись постаревшие и утерявшие пафос государственности буржуа. Творчества не

осталось ни на грош. Им было лень думать, они были бессильны что либо создать. И они поклонялись реликвии, приобретшей для них значимость курицы, несущей золотые яйца. Старые скептики не смотрели уже на действительность сквозь идилические очки сантиментальных предков-энтузиастов; им не нужно было никакого напряжения, труда, творчества (т.-е. того, чего они уже дать не могли) — надо было всего только раз навсегда поверить в трафарет демократического арифметизма и почтить на лаврах: — все двигается само, складывается, вычитается—и результат будто бы всегда самый правильный. Нет Бога, ответственности, ошибок. Счетная машина работает бесперебойно, что либо из хаоса случайных цифр всегда получается и подразумевается, что это и есть лучшее, что могло получиться. Без труда и ответственности — просто, ясно и будто бы справедливо.

И надо было пережить все ужасы войны, революций и кризисов, чтобы открыть, что за сто лет все изменилось, что социальная обстановка ничуть не похожа на ту идиллию, которую прикрывала шелуха когда то безвредной теории, что механизм государства так дальше работать не может, что трафареты традиционных демократических тельцов ничего больше не значат, что пора посмотреть в корень дела и перестать быть гипнотизированным формами.

И старая буржуазия, в молодости своей издевавшаяся над гораздо по сути своей более глубокими (и морально и культурно) формами предшествовавшего ей феодального строя, дико возмутилась, когда какие то люди дерзко посягнули на непогрешимость ее собственной (никогда никакой глубиной не отличавшейся), конструкции. Они изумились, что их не считают идеалистами, что оголили их идеологию старческого эгоизма, прикрытую дырявым фиговым листком парламентарной бутафории. Это ханжество их самих погубило, ибо возможности их в нашей истории еще не были окончательно изжиты — но старые коктейли надоедают, а для новой комбинации тех же ферментов не хватило ни силы, ни выдумки, ни трудолюбия.

Парламентский строй никогда не был совершенным вне Англии, где вырос органически. Если его трансплантация на континент кое где и удалась, то опять таки только потому, что им а-приори воодушевились не имевшие никакого политического опыта, но большую жизненную напористость и волю к власти новые слои политической жизни, выросшие на смену дворянско-феодальному обществу. Наивная вера в то, что мы сейчас называем «четыреххвосткой», гипноз механики цифр, заменивший у нового сословия моральные устои старого порядка, и детский «руссоизм» (все устроится само, — только не

мешайте) укрепили надолго этот случайно подвернувшийся под руку первым теоретикам «идеальный» будто бы рецепт власти — самый легкий и безответственный...

Подыгравшиеся в свое время к большевистской революции мелко-буржуазные слои русской интеллигенции и полуинтеллигенции и уставшие от революции большевики — вот тот социальный слой, выразителями которого за границей появились «демократы-невозвращенцы». Если «левых» можно было успокоить маневром холерических темпов пятилетки, ибо они требовали деятельности, — то этих, требовавших передышки, можно было только уволить на покой. Но разве всякая вина не карается в революциях смертью? Разве не казались Робеспьеру все отстававшие от него или устававшие якобинцы врагами? И Громаны, Кондратьевы, Сухановы отправились в Соловки, а 48 хозяйственников на расстрел... Типологически это не были эмигранто-белогвардейцы, и не новые люди постреволюции—это были в большинстве своем деятели периода революции, разочаровавшиеся и уставшие якобинцы. Они не были способны к новому творчеству, в коммунизме разочаровались и потянули обратно, к своим старым «демократическим» идолам. Эти люди не имели будущего и их следует пожалеть, как людей даром погибших от руки своих же идеологических братьев. Их подмоченные принципы омоложения старой демократии вряд ли кому либо нужны. Идеология сложения и вычитания сейчас смешна, смехотворна система представительства выдуманных, механически отвлеченных, партийных людей, «демократический» обман одурманяемого и подкупаемого избирателя, торгующего собой профессионала-избираемого. Свобода на бумаге — худший вид тирании.

Государство организм и его нельзя механически разнять на сумму слагаемых, ибо целое несоизмеримо сумме слагаемых, оно само живет, обладает волей, логикой, жизнью. Эту жизнь нельзя подчинять простой арифметике, нельзя пользу и благосостояние страны бросать в водоворот случайных комбинаций цифр и минутных настроений. Даже идеальная демократия требует недостижимой степени культурности и ответственности населения. В обстановке 20-го века надо отказаться от комбинации жалких волишек, беспрестанно меняющихся случайных положений — надо прежде всего проникнуться волей общего целого — волей великого будущего нашей страны. Нужна внутренняя дисциплина, — надо уметь подчинять свои жалкие минутные и часто безрассудные позывы железной логике служения стране, ее подъему на новую высоту. Надо смотреть на Россию, как на плацдарм ее дальнейшего исторического развития, а не как на арену личных интересов, не как

на трамплин осуществления захолустных партийно-обывательских счетов и рискованных книжных экспериментов. Всякая форма правления хороша при сознательном к ней отношении, но при одних комбинациях меньше, при других больше риска подвергаться вечным шатаниям по воле глупых, алчных и честолюбивых людей. И больше всего этого риска при окончательно деморализовавшемся, шатком и хаотическом демократическом парламентаризме, где идиллически неуправляемы, основанные на материалистическом эгоизме, механические столкновения интересов.

III. О РЕАЛЬНОЙ СВОБОДЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Проповедь фашизма! (даже большевизма, скажут некоторые), оголтелое демократоедство, черная реакция — я представляю себе подобные оценки моей предыдущей главы.

Ничуть не бывало: — это просто напросто искренняя и доброжелательная критика современной демократии, защита настоящей, если хотите, демократии, против ее внутренних врагов и искажителей, демократии реальной от демократии профессиональной, христианской против «научно»-языческой, защита демоса (как народа, а не голодранцев, конечно) против начиненных громкими словами демократического лексикона демократических держиморд. Давно пора понять, что классический демократизм имеет очень мало сходного с реальной демократией. Ведь даже в хамстве и эксцессах американского демократизма гораздо больше искренности и обнажения всех пружин, чем в приглаженном либеральной щеткой историческом демократизме Европы. В гангстерстве и коррупции диких американцев, как в кривом зеркале, отразилась хитрая физиономия фарисейского строя «Панам» и «Устриков». Замазанные и запрятанные пороки цинично вылезли наружу, лишив тем самым всякого смысла любые прикрышки книжного демократического ханжества. До какой то степени это способствовало развитию у рядового обывателя чувства материального демократизма и реальной свободы, т.-е. того, что в Европе, в гораздо, конечно, более культурной форме, имеется только у англичан. Ведь не то делает человека реально свободным, что ему разрешается быть формально равным всякому другому на бумаге, да еще раз в какой то срок подавать свой голос за какой то партийный список, а то, что ему реально, по заслугам и способностям, обеспечивается шанс подъема по социальной лестнице, что ему обеспечивается не политическая только, а обывательская, бытовая свобода. Подъем по материально-экономической или культурной лестнице, по выбору и обстоятельствам.

В императорской дореволюционной России (которую почему то с точки зрения патентованных демократов не принято называть демократией) — этой реальной свободой было куда больше, чем в современных западных демократиях.

Американское «give him a chance» — по русски — «если он не пропадет урожая, я того мужика уважаю» — т.-е. столыпинский земельный реализм — яркий исторический пример несовпадения теоретического демократического начетничества и реальных демократических начинаний. Ведь нет сомнения в том, что в формальных «свободах, равенствах и братства» осудивших Столыпина русских «левых» (будь они демократы или социалисты) было гораздо меньше реального демократизма, чем в практическом проекте «реакционного» министра.

Вспомните притчу о зарытых талантах! Равенство жизненного старта — категория не формальная и не бумажная; — не достаточно объявить, что все люди равны формально, надо морально создать ту обстановку, при которой человек действительно не чувствовал-бы себя гандикапированным по отношению к другим. Не достаточно объявить всех избирателями и юлить перед ними, развращая их явной ложью не могущих быть осуществленными «турус на колесах» политических обещаний. Ведь если у вас нет моральной ответственности, просто стыда за ложь, то ведь могут быть **кары**. Ведь за коммерческую бесчестность можно попасть под суд и в тюрьму — так почему же должна быть безнаказанна бесчестность политическая? Карается же любимы, самыми патентованными, демократическими государствами призыв к свержению строя (и это тоже с ригористической точки зрения есть нарушение свободы слова или свободы печати), — так почему нельзя карать за простую политическую бесчестность? Цель не оправдывает средства даже в крупных моральных вопросах — и уж, конечно, не в вопросах мелкого партийного честолюбия. Свобода слова есть **свобода правды**, а не **свобода лжи**. Психологически подлинный демократизм вовсе не связан с республикой и четыреххвосткой — он всего лишь связан с ответственным **перед правдой** правительством (все равно будь то монархия или республика или всякий другой строй), и ее тем больше, чем компетентнее правительство, т.-е. чем больше в нем спецократии и меньше чистой политики балансирования и обхождения острых углов. Правительство правит во имя народа и на благо народа, а не по прихотям народа; — и потому, если нужны народу гарантии от злоупотреблений власти, то и власти нужны гарантии от минутных, на самый-же народ своим острием и обращенных, прихотей толпы. И если полезна и совершенно необходима серьезная (по материальному существу) критика власти, то недо-

пустима та разновидность свободы печати, которая сводится исключительно к ругани и подрыву авторитета. Если власть ответственна в своих мероприятиях, то и оппозиция должна быть ответственна в своей критике...

Защитники всяких формальных свобод довели самое понятие свободы до абсурда «свободы от чего то». Свистопляска многопартийности парламентаризма привела к реакции коммунизма и фашизма, где свобода «от чего то» была, правда, заменена «свободой к чему-то», но крайне мизерной, осуществляемой притом даже не свободно, а принудительно, свободой. Упразднив формальные гарантии свободы, они упразднили и свободу материальную и это может быть имеет свои плюсы для будущего. Когда кончится период деспотии марксизма (худшей из деспотий, ибо деспотия всякого деспота была всегда человечна, деспотия же марксизма — засилие отвлеченного начетничества) в измученном встрясками и зверствами революции народе запросы свободы будут, конечно, прежде всего бытовыми и материальными — т.-е. будет почва для развития реальной, материальной свободы. Ведь формально и советский строй чуть ли не самый наисвободнейший, — но кто же после революции может верить в формальные свободы.

IV. ОТ ДВУГЛАВОГО ОРЛА К КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ И ОТ МАРКСА К ПЯТИЛЕТКЕ

Возврата к прошлому нет. Не бывает в истории, по крайней мере. Также как река не несет своих вод против течения, так немислим и ход истории назад. Революция произошла не случайно (как социологическое смещение слоев, конечно — ибо революция, как политический скандал, как бунт и уличные бои в тот момент, возможно, как раз и произошла случайно). Выдохлись человеческие составы, несшие на себе тяжесть русской истории последних веков, устали, распустились, потеряли волю и способность управлять страной. Революция не результат жалких усилий революционеров — деклассированных представителей того же правившего слоя, — а упадок целого класса, целого отрезка культуры, целого строя, потерявшего чутье и ответственность государственного строительства. Сдвинувшись с точки и медленно оползая, русская история в феврале 1917 года скатилась под кручу. Если пустить мячик по ступеням лестницы, он докатится до низа — низом была крайность — т.-е. большевики.

Также, как реформы королевской власти были уже неспособны остановить революцию во французской истории (ибо психологически она уже начиналась) — так не остановил ее и наш

«ренессанс» конца 19-го и начала 20-го века. Неккер и Столыпин морфологически ровесники, однозначные фигуры. Человеческий материал власти уже никуда не годился и благие намерения и полуначинания расшибились о пассивное сопротивление государственного аппарата, а в особенности общества. «Общественная оппозиция» уже слишком зарвалась в мыслях, чтобы переродиться и понять свои же интересы. Она закусила удила и несла к обрыву. Февраль был только акселератором. Лучшие люди его первого периода принадлежали к тому же составу старого правящего слоя, они не смогли заложить сразу же твердый, а главное, **целевой** стержень расползшегося управления, не смогли обуздать разбушевавшуюся народную стихию. Интеллигенция ослепленно праздновала свою победу. Обстановка бурных митингов, гудков и пулеметов быстро передала лидерство из рук этих честных представителей старых классов в руки метисов, людей родословно и культурно не связанных с старым строем. Если первым было что хранить, — ибо они культурно к чему то принадлежали, что то любили, если они соединяли ощущение необходимости реформ с любовью к окружающим их бытовым условиям, ощущали мучительную необходимость как то выйти из положения, минуя катастрофу и моральную ломку быта; — то у вторых, — духовно-незаконных детей старого слоя, горящих батардской ненавистью к старому огулом — «государственных деятелей» с многообещающим «государственным стажем» демократическо-социалистического начетничества и полууголовного разрушительства — ничего государственно-здорового за душой не было. Эпигоны упадочного периода дворянства — русские интеллигенты — не могли воспринять парламентаризма и мелкобуржуазного беззубого социализма даже с той крупницей государственности, которая имеется у их западных аналогов. Они восприняли все чисто словесно, ораторски, как позу (хотя бы и искреннюю) борцов и руководителей народа. Они думали, что знают народ, а увидав его вблизи — растерялись.

Неостановимость революции вынесла на гребень волны большевиков, — единственную интеллигентскую партию, которая ничего не боялась и никого не стеснялась. Она знала, чего хотела: — власти; и для чего — для осуществления очень определенного коммунистического строя. «Земля и воля», «грабь награбленное», «хлеб и мир» — вовсе не выражали, конечно, ее доктрины, но доказывали политический ум и практическую сметку пожелавших взнуздать народную стихию в свою пользу большевистских вождей. Для грандиозных целей стоило покривить душой и привлечь на свою сторону армейское и селянское крестьянство. А этого было достаточно: столично

рабочая (единственная в России могущая клонуть на исходящий из экономики труда марксизм) внеинтеллигентская среда была давно уже марксистски распропагандирована.

В этой борьбе за власть с июля по октябрь кадры «своих» людей были только с одной стороны: — мелкобуржуазных социалистов защищали офицеры и юнкера, те, которые еще могли психологически поддерживать революцию в феврале, но уже презирали ее в августе, которые были уже готовым материалом для контрреволюции и к осени уже всякую революцию ненавидели.

На дальнейшем мне уже приходилось подробно останавливаться в моей статье «К проблеме дня» (Евразийская хроника, № 10). Считаю, что тогдашняя моя точка зрения более или менее правильна. Вечная борьба получаемого от жизни практического здравого смысла с захлестывающей все поверх головы книжно-интеллигентской одурью старых фанатиков продолжается и по сей день. Даже на почве реальной деятельности распухшая большим процентом более молодого и практически дельного личного состава — коммунистическая партия не смогла освободиться от своего книжного бреда. Даже выкинув за борт балласты левой и правой оппозиции, группа Сталина не смогла преодолеть своего устаревшего якобинизма, хотя и наметила этот выход из революции: — от Маркса к пятилетке.

Психологические яды робеспьеризма свели на нет заложенные в самой революции пути преодоления революции. Геберы и Дантоны мерещатся на каждом перекрестке. Старой контрреволюции давно уже не осталось и в помине — и контрреволюцией стала называться сама революция, борющаяся сама с собой. Кровь контрреволюции давно вся пролита без остатка, если она сейчас и проливается то по анахронизму, ибо уже потекла кровь революции. Психологический дантонизм Бухарина и Сырцова давно уже облаян на всех столбах советских газет. Русские Лакруа, Демулены, Вестерманы — частью в Сибири, Соловках, на том свете. Процесс пожирания отыгранного человеческого состава революции в полном ходу. Он может длиться долго, — но не в сроках дело, а в том, что основной облик серой массы безыменных пока деятелей постреволюции уже намечается даже на пробеге пути от Маркса к пятилетке.

V. ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ АМЕРИКУ

От Маркса к пятилетке: догоним и перегоним Америку! По идее? — не плохо; что-ж, давайте догоним и перегоним Америку. Если нужно — можно и врать, хвастаться несуществующими достижениями.

Но нужно-ли это? А если нужно — кому?

Большому кораблю — большое плавание. Великое будущее России — неоспоримо. Даже в настоящем ее состоянии с ней не считаются — нельзя. Но к чему этот блефф? Кому нужны эти бумажные достижения и реклама предполагаемой (в проэкт) продукции?

Может быть с сугубо патриотической точки зрения она нужна, как пыль в глаза иностранцам? Бросимте это наивно-детское втирание очков тем, которые не хуже нас разбираются в технических вопросах, которые обладают достаточными средствами контроля и которых не проведешь... Но возможно, что это нужно для русских самих — для подъема российского самосознания, энтузиазма? Не пустые ли это в таком случае слова, способные заворочить разве что двух-трех истосковавшихся эмигрантов или десятка два никому (даже большевикам) ненужных сменовеховца с паспортной идеологией? Ибо не явно ли, что внутри России люди, которые во всем участвуют, все видят, бесцельно нагружены и не по силам утомлены — этого энтузиазма сейчас воспринять с достаточной серьезностью не могут и в крикливую рекламу для наивных все равно не поверят.

Догнать и перегнать Америку надо — но не воплями и истерикой, не порчей материала и лихорадочной тратой сил, — а делом. Россия может смело смотреть в будущее, но импотентна в настоящем. Работа горячего человека непродуктивна; нельзя с сорокаградусной температурой заниматься требующим выдержки серьезным и ответственным делом.

Людам, обагрявшим свои руки в морях крови, людам, взявшимся за слом старой России — не дано пафоса строительства. Сталин (собираательно) человек явно умный (в этом ему отказать нельзя), понятна и тактика пятилетки, но обреченность Сталина тем не менее совершенно очевидна. Сталин понял, что революционный пафос его соратников, — деморализованных войнами и расстрелами людей, надо направить в другое русло. Это понял еще Ленин с его электрофикацией. Поколению революции нельзя безопасно для строя снизить градус энергии. Ежели спускать революцию на тормозах к спокойной стабилизированной эпохе строительства, то можно остаться без сотрудииков. Поколение революции не привыкло к рассчитанной на долгие сроки размеренной и упорной работе. Воспитанное на олуиме громких фраз, насилий, крови, романтике гражданской войны, заговоров, ударных мер и бронебойных декретов — поколение участников революции привыкло работать только в до максимума напряженной, нервной атмосфере. Кокаинисты мысли и истерики дела от скуки превратились бы в спокойной деловой атмосфере в ярых контрреволюционеров

справа или ушли бы поголовно в оппозицию влево; или же, в лучшем случае, занялись бы головокружительной, романтической-рваческой спекуляцией.

Верхушка коммунистической партии поняла, что пора ликвидировать революционную демагогию, но перейти от революции к постреволюции не смогла — она, как и всякая революция, не могла переключиться на новых людей, оставив за бортом истории всех своих соратников истребительски-насильнического периода. Включить же их в дело стабилизации революции можно было только одним путем: — холерическими темпами и все теми же бронебойными декретами, максимумом напряжения атмосферы — т.-е. сохранением старых методов для нового дела. Результат: — «пятилетка», т.-е. демагогия вместо дела, вопли вместо приказов и процессы о «вредительстве» вместо результатов. Лживая и карикатурная картина строительных усилий страны. Картина одновременно печальная и смешная.

Вождам революций не суждено быть деятелями пореволюционного периода. Дантону не дано было стать Бонапартом. Робеспьер не смог сойти с одних и тех же всем опротивевших выкриков. Людям, обогрившим свои руки потоками невинной крови трудно отречься от того, что они делали, родить новые идеи и новые дела. Постреволюция есть ликвидация революции, исходящая от новых, окрепших за революцию слоев, раньше аморфных человеческих масс. Эта ликвидация может быть и очень шкурная, но просторнародно-крепкая и волевая. Она может быть примитивно-идеологична, мало культурно обтесана, но крепка в своих житейских концепциях и склонна презирать всякое безделье якобински-марксистской априорности. Она себе на уме, ее не проведешь, — она в слова и обещания не верит, никакими энтузиазмами не горит и требует дела.

Новые идеи рождаются новыми людьми. Эти люди, как слой, среда — пожалуй, уже есть (хотя и не оформленно) и вероятно еще не осознали своей силы. Это те люди с ромбами на рукавах, которые неизвестно откуда взялись и командуют безыменно за Буденных и Ворошиловых армией, те, которые сидят на всяких третьих местах в комиссариатах, хозяйственном аппарате и даже в самой партии. Они карьеристы, они сами себя делают, они может быть невежественны и не культурны, — но они никогда не были интеллигентами, они слишком молоды, чтобы воспринимать всю упадочную развратность книжного марксизма. Они «большевики», но не «коммунисты» (словесно бессмысленно, но типологически понятно) — они не прочь поговорить о «мировой революции», но их личные и идеологические интересы тесно связаны с Россией. Их идеоло-

гия? Ее еще нет — она пока смесь оппортунизма с фактопклонством, военной дисциплины с потугами на американизм. Их не трудно осудить с точки зрения старой цивилизации (о культуре и говорить не стоит), но они сила. Они презирают дребедень теорий — все умственное, книжное, программное. Они соглашаются (больше из карьерных соображений) называться марксистами, хотя марксизм, как и всякую книжную теорию, презирают. Их учили быть задорными и нахальными и они действительно быстро этими науками овладели. Они уже вероятно в душе свысока похлопывают по плечу своих вождей — истерически-захлебывающихся и распластывающихся, чтобы все подогнать под книжную мерку, — вождей своих, переодетых в военные мундиры энтузиастов-интеллигентов.

В изжитии фразы советской (и, что одинаково скверно, хотя и более безвредно, эмигрантской) происходит психологическое переключение всего живого и пережившего революцию к новой России. Наболтались! Довольно. Пора реально перейти к делу. Наступает эпоха может быть и серенькой, но упорной, безыменной и всеобщей каждодневной работы. Она еще не наступила и чувствуются еще последние встряски революционной горячки, но она наступит, ибо после уладка и революции неминуем подъем.

Владислав Иванов.

В ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(По поводу статьи В. Д. Иванова)

Я нахожусь в глубоком недоумении: что собственно понимается В. Д. Ивановым под словом «интеллигенция» и какого собственно призрачного противника он клеймит?

Под словом «интеллигенция» мы, русские, обычно подразумеваем два понятия: 1) интеллигенция в широком смысле, т.е. умственно-культурный слой, занимающий передовые посты каждого народа, его интеллектуальная верхушка — и 2) специфически-русское понимание этого слова, распространявшееся обычно на всех граждан, в той или иной степени а) прикосновенных к высшему образованию и б) вместе с тем оппозиционно по отношению к правительству настроенных.